

II. Время источника и время в источнике

Н.Ф. Котляр

СОБЫТИЙНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОГО СВОДА

Галицко-Волынский свод существенно и принципиально отличается от прочих памятников летописного жанра. Со времени открытия свода Н.М. Карамзиным ученые неоднократно отмечали его своеобразие: отсутствие хронологической сетки и погодных статей, не всегда систематическое изложение событий в форме свободного рассказа¹.

Карамзин первый заметил, что существующая в Ипатьевском списке нашего свода хронология была грубо, с большими ошибками приставлена к нему намного позднее. Ему был известен и Хлебниковский список Галицко-Волынской летописи, в котором отсутствует разделение на датированные погодные статьи. Историк предположил, что годы были проставлены в Ипатьевском списке XV в. позднейшим переписчиком, поскольку во всех известных ему случаях они неверны². В процессе изучения памятника я пришел к выводу, что более поздний (XVI в.) Хлебниковский список является наиболее исправным и наиболее близким к протографу Галицко-Волынской летописи³.

Многие историки и археологи верили и поныне верят ошибочной хронологической сетке Ипатьевского списка Галицко-Волынской летописи. Даже некоторые авторитетные специалисты в области древнерусской проблематики, недостаточно знающие этот памятник, опирались на указанные в Ипатьевском списке даты как на истинные. Например, известный русский эмигрантский историк Г.В. Вер-

¹ Историографию темы см.: *Котляр М.Ф.* Галицко-Волынский літопис XIII ст. Київ, 1993. С. 5–24.

² *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Кн. 1. Т. 3. Примеч. к 3 тому. СПб., 1842. Стб. 52. Примеч. 113.

³ Галицко-Волынский літопис. Дослідження. Текст. Коментар / За ред. *М.Ф. Котляра*. Київ, 2002. В статье ссылки на Галицко-Волынский літопис даются по этому изданию Хлебниковского списка.

надский в знаменитой статье об Александре Невском не только перепутал одного татарского военачальника Куремсу с другим — Бурундаем, приписав первому требование к Даниилу Романовичу уничтожить укрепления его городов, тогда как Галицко-Волынская летопись свидетельствует, что это сделал Бурундай, но и искренне доверял датам на полях Ипатьевского списка этой летописи, как правило, не соответствующим действительным. Поэтому знаменитая битва у города Ярославла состоялась, по его мнению, в 1249 г. (как отмечено в Ипатьевском списке); на самом деле это случилось в 1245 г. А коронация Даниила произошла будто бы в 1255 г., в действительности же — в 1253 г.⁴ Характерно, что, перепечатавая эту давнюю статью, публикаторы оставили без корректив все ее ошибки — следовательно, сами не разбирались в проблеме. Подобные отмеченным ошибки в знании и понимании Галицко-Волынского свода остаются типичным явлением в работах многих русских и украинских историков и археологов и в наше время.

Выдающийся наш историк Б.А. Рыбаков, неоднократно исследовавший памятники летописания и даже посвятивший им одну из своих книг⁵, в общем принимал неточные датировки Ипатьевского списка. В работе, посвященной военному искусству Руси и написанной преимущественно на свидетельствах Галицко-Волынской летописи, ученый использовал эти даты как действительные. Так, рассказ о русско-венгерских военных действиях в верховьях р. Случь он датирует 1235 г.⁶, тогда как они происходили в 1233 г.⁷; поход Ростислава Михайловича на Перемышль — 1245 г., тогда как это повествование следует отнести к 1243 г. Наконец, знаменитую битву у г. Ярославла, состоявшуюся в 1245 г., Рыбаков, как и Вернадский, точно следуя неверной датировке Ипатьевского списка, отнес к 1249 г.⁸

Можно было бы привести множество примеров из работ современных историков, слепо и буквально принимающих датировки Ипатьевского списка в его Галицко-Волынской части. И вовсе не для того, дабы уличить их в некомпетентности. А для того, чтобы

⁴ *Вернадский Г.В.* Два подвига св. Александра Невского // Наш современник. М., 1992. № 3. С. 152–154.

⁵ *Рыбаков Б.А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.

⁶ *Он же.* Военное искусство // Очерки русской культуры XIII–XV вв. М., 1969. С. 351.

⁷ Эта и следующие даты из статьи Рыбакова уточнены мною: *Котляр М.Ф.* Комментарий // Галицко-Волыньский літопис. Київ, 2002. С. 211–212, 249, 251–256.

⁸ *Рыбаков Б.А.* Военное искусство. С. 352, 354.

показать, что проблема хронологии Галицко-Волынской летописи продолжает существовать уже более двухсот лет.

Ученые по-разному объясняли отсутствие датировок в протограффе Галицко-Волынской летописи. Много внимания посвятил этому своду и его хронологии М.С. Грушевский. Ему принадлежит оригинальное, хотя и вряд ли верное объяснение отсутствия хронологической сетки и слишком свободного расположения материала во временной последовательности. Он исходил из убеждения в том, что первая и большая часть источника Летописец Даниила Галицкого принадлежала какому-то одному составителю. «Не ориентируясь хорошо в хронологии тех далеких времен⁹, вероятно, по этой причине автор решил пересказывать события в их связи и развитии, а не по годам. Сохранился этот порядок повествования и позднее, когда оно перешло во времена более близкие, где он мог подробно датировать события»¹⁰.

В свете позднейших исследований жанровых особенностей и структуры Галицко-Волынской летописи подобное объяснение выглядит наивным и недостаточным. Ведь сам жанр и манера изложения решительно отличает ее от традиционных летописей: это свободное от подражания им, следовательно, и от строгого соблюдения хронологии повествование, созданное по иным канонам. В отношении Летописца Даниила Галицкого сказанное мной означает, что его следует рассматривать не как летопись, а как воинскую повесть — либо как серию подобных повестей¹¹.

М.С. Грушевский и некоторые другие исследователи думали, что позднейший редактор свода собирался в конце работы расставить даты. Они исходили из заверения этого редактора: «Число же лѣтомъ zde не писахомъ, в задняя впишемъ... вся же лѣта спишемъ расчетьше в задняя...»¹².

Частично согласился с этой мыслью М.Д. Приселков, считавший, что редактор конца XIII в. перегруппировал текст для расстановки

⁹ То есть первых десятилетий XIII в.

¹⁰ Грушевський М. Історія української літератури. Київ; Львів, 1923. Т. 3. С. 153.

¹¹ Впрочем, в другом месте этого исследования Грушевский несколько по-иному объясняет отсутствие в источнике погодных датированных статей: «Отказавшись от хронологической сетки, он (летописец. — Н.К.) сознательно отказался и от задач летописца-хрониста. Перед нами действительно не летопись, а повесть» (Грушевський М. Історія української літератури. С. 154). Однако, к сожалению, это его верное замечание не отразилось на общей оценке историком Галицко-Волынской летописи.

¹² Галицько-Волинський літопис. С. 114.

дат задним числом, дабы придать ему хронологическую последовательность и внести в него конкретные даты. Но замысел этого гипотетического редактора почему-то не был реализован, и хронологическая сетка была приставлена к своду в Ипатьевском списке, по его мнению, только в начале XIV в.¹³

Взгляды Приселкова на композицию и хронологию Галицко-Волынской летописи были противоречивыми. Одно время ученый считал, что в XIII в. в Галицко-Волынской Руси, как и в прочих древнерусских землях того периода, велись подробные записи событий по годам, на основании которых в конце XIII в. и было создано целостное, но лишенное хронологии и порой хронологической последовательности повествование¹⁴. Но затем отказался от этого мнения.

Л.В. Черепнин рассматривал Летописец Даниила Галицкого не как свод ежегодных записей событий, а как единое композиционно целостное произведение, благодаря чему Летописец, как и волынская часть источника, был сознательно лишен дат. По мнению историка, хронология в Галицко-Волынской летописи (по Ипатьевскому списку) появилась лишь после соединения ее с предшествующей Киевской летописью XII в.¹⁵

Впервые предпринял попытку, и весьма удачную, исправить ошибочную хронологию Ипатьевского списка Галицко-Волынской летописи М.С. Грушевский. Во введении к этой работе он отметил, что автор ее начальной части не выполнил своего обещания расставить даты по окончании своего труда, а его продолжатели также не стали проставлять годы в тексте. Историк сурово отнесся к работе хронологизатора, проставившего даты на полях этого списка: «Сделал он это совсем глупо, т.е. валил годы даже без учета содержания текста, разрывая части одного события на несколько лет или ставя под одним годом события многих лет (напр. под г. 1233)»¹⁶.

¹³ *Приселков М.Д.* Летописание Западной Украины и Западной Белоруссии // Ученые записки Ленинградского гос. ун-та. № 67. Серия исторических наук. Вып. 7. Л., 1941. С. 5–24.

¹⁴ *Приселков М.Д.* История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940. С. 55 и др.

¹⁵ *Черепнин Л.В.* Летописец Даниила Галицкого // Исторические записки. М., 1941. № 12. С. 230, 231.

¹⁶ *Грушевський М.* Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // Записки Наукового товариства ім. Т. Шевченка. Львів, 1901. Т. 41. С. 2. Установленные Грушевским даты событий в ряде случаев уточнены в моем комментарии к изданию Галицко-Волынской летописи (Киев, 2002).

Для уточнения и исправления хронологической сетки Галицко-Волынского свода Грушевский использовал прежде всего древнерусские летописи, чаще других Новгородскую первую, Суздальскую и Воскресенскую, различные иностранные хроники и исторические сочинения, среди которых особенно важны были свидетельства польских и германских памятников.

«Хронология» Грушевского остается единственной в своем роде работой. Ученые последующего времени не обращались к этой теме. В своем фундаментальном труде о хронологии летописания Н.Г. Бережков обошел молчанием проблему дат Галицко-Волынского свода, хотя исследовал датировки Суздальской (Лаврентьевской) летописи вплоть до начала XIV в., а Новгородской первой старшего извода — даже до XV в.¹⁷

Вместе с тем, хронология Галицко-Волынской летописи неоднократно пересматривалась и уточнялась в работах ученых, исследовавших историю Галицко-Волынской Руси XIII в., прежде всего — в книге В.Т. Пашуто¹⁸. Лишь недавно появилась статья О.В. Романовой, предпринявшей попытку объяснить само появление датировок в Ипатьевской летописи и, главное, — принципы, согласно которым они проставлялись.

Исследовательница предположила, что составитель этой хронологической сетки заимствовал некоторые даты из какой-то летописи, «сделав их как бы каркасом своей хронологии». Таких дат она насчитала 14. Романова пришла к выводу (замечу, спорному), будто бы даты вводились в текст почти исключительно по внешнему и случайному признаку — заглавным киноварным буквам. Она заключила, что хронология Галицко-Волынского свода была, по видимому, составлена в Северной Руси в первой половине XV в., а «каркасом» этой хронологии служили даты, почерпнутые из новгородских летописей¹⁹.

Действительно, Новгородские летописи, в частности первая младшего извода, могли послужить одним из источников для составителя хронологии Галицко-Волынского свода. Однако сводить источник этой хронологии к одним лишь новгородским летописям сейчас было бы преждевременно — ввиду необходимости се-

¹⁷ Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963.

¹⁸ Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.

¹⁹ Романова О.В. О хронологии Галицко-Волынской летописи XIII в. по Ипатьевскому списку // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 1997. С. 66–69.

резного текстологического анализа, компаративных исследований Галицко-Волынского свода и обширного круга новгородского летописания.

Наконец, в осуществленном мною в соавторстве с В.Ю. Франчук издании Галицко-Волынской летописи помещен обширный комментарий, в котором во многих случаях были уточнены и исправлены даты источника, рассмотренные нашими предшественниками²⁰.

Конечно же, Галицко-Волынская летопись составлялась в основном в соответствии с последовательностью отраженных в ней событий. Это неоднократно отмечалось моими предшественниками. Но мнение относительно того, что авторы и редакторы текста обычно строго придерживались хронологии событий (как это наблюдается во всех остальных летописях) и не нарушали их последовательности, ставится под сомнение замечанием одного из составителей Галицко-Волынской летописи, помещенным непосредственно перед словами: «число же лѣтомъ зде не писахомъ», — «Хронографу же нужна есть писати все и вся бывшаа, овогда же писати в предняя, овогда же вступати въ задняя: чтый мудрый разумѣть»²¹. Этим программным заявлением автор отстаивал свое право вести изложение в форме свободного рассказа — не только без обозначения дат, но и нарушая его последовательность.

Но, продолжая эти слова, летописец все же считал себя обязанным сообщить читателю о своей приверженности к хронологической последовательности при написании текста и даже пообещал расставить годы по окончании своего труда: «Число же лѣтомъ зде не писахомъ, в задняя впишемъ по Антиохийскимъ съборомъ, аломъ-пиадамъ, грецкими же числьницами, римьскы же высикостомъ, яко же Евъсей и Памфиловъ и инии хронографи списаша отъ Адама до Хрѣстоса; вся же лѣта спишемъ, росчетъше в задняя...»²².

Это рассуждение галицкого книжника издавна сопоставляется с подобным по смыслу текстом из XVIII книги Хроники Иоанна Малалы²³: «Хронографу нужна есть писати все, еликоже есть, кый оубо царствовалъ царь, отнеже был наречень цесарь, лепо есть оубо лет-

²⁰ Котляр М.Ф. Коментар. С. 157–359.

²¹ Галицко-Волинський літопис. С. 114.

²² Там же.

²³ Попов А. Обзор хронографов русской редакции. М., 1866. Вып. 1. С. 69, примеч. 1; Бестужев-Рюмин К. О составе русских летописей до конца XIV века. СПб., 1868. С. 151, примеч. 235 и др.

няя списания количества смотрити мимотекущихъ летъ, а не точию от приписанныхъ царствехъ»²⁴.

Специально изучавший источники Галицко-Волынского свода А.С. Орлов уделил внимание этому тексту Малалы и поставил вопрос, «заимствовала ли здесь Ипатьевская летопись из XVIII только книги Малалы и только ли Малалы». Он считает, что осталось невыясненным, откуда летописец взял расчет по Антиохийским соборам, олимпиадам и пр. Среди возможных источников упоминания об олимпиадах Орлов называет восьмую книгу Амартола и другие византийские хроники²⁵. С мнением Орлова согласился впоследствии и О.В. Творогов, указавший, наряду с рассуждением галицкого летописца о хронологии, несколько других заимствований у Малалы²⁶.

Заимствование ученым составителем рассматриваемого здесь фрагмента Галицко-Волынского свода из близкой по духу и содержанию хроники Малалы представляется закономерным. Оно вполне в духе времени и тогдашних понятий о книжной учености. А.С. Орлов назвал среди использованных галицкими и волынскими книжниками также компилятивные хронографы, содержавшие хроники Иоанна Малалы и Георгия Амартола, «Историю Иудейской войны» Иосифа Флавия. Они повлияли на характер изложения, стиль, образительные средства свода²⁷. Как видим, галицкий автор включил в свой труд парафраз высказывания Малалы о праве хронографа писать свободно, не связывая себя жесткими рамками хронологии, поскольку это согласовалось с его намерениями. При этом наш летописец подчеркнул свою приверженность к возможным нарушениям хронологии повествования, дабы произвести большее впечатление на читающих («овогда же писати в предняа, овогда же вступати въ задняа»).

В недавней книге о летописании А.А. Пауткин поместил раздел, красноречиво озаглавив его: «Хронографу же есть ноужа писати все и вся бывшая»²⁸, в котором рассмотрел заимствования и реминис-

²⁴ *Истрин В.М.* Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Кн. 15–18. Пг., 1918. Кн. 18. С. 28.

²⁵ *Орлов А.С.* К вопросу об Ипатьевской летописи // ИОРЯС АН СССР. 1926 г. Л., 1926. Т. 31. С. 123–124.

²⁶ *Творогов О.В.* Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 18–19.

²⁷ *Орлов А.С.* К вопросу об Ипатьевской летописи. С. 98–126.

²⁸ *Пауткин А.А.* Беседы с летописцем. Поэтика раннего русского летописания. М., 2002. С. 213–231.

ценции в Галицко-Волынской летописи из византийских авторов, а также из Иосифа Флавия, собрав эти сведения в соответствующую таблицу²⁹.

Но при всем этом все же события в целом излагаются в Галицко-Волынской летописи в хронологической последовательности, пусть и временами нарушаемой в интересах достижения наибольшей эмоциональности и политической заостренности рассказа. Из-за отсутствия разбивки на погодные статьи и обозначения дат в тексте авторам и редакторам приходилось прибегать к различным приемам, дабы соблюсти эту, весьма относительную во многих случаях, последовательность.

Много лет назад Л.В. Черепнин отметил, что такая последовательность устанавливалась при помощи переходных предложений «в та же лета», «времени минувши» и пр.³⁰ Попытаюсь развить его мысль, дополнив ее рядом соображений. Рассмотрю вначале первую из двух основных частей Галицко-Волынского свода — Летописец Даниила Галицкого.

Довольно часто в качестве хронологической отметки в Галицко-Волынской летописи действительно используется формула «времени минувши». Уже на первых ее страницах в следующих выражениях повествуется о походе венгерского короля Андрея на Галич осенью 1213 г.: «Времени же минувшю король спѣаше рать велику»³¹. Но после этого рассказывается о походе краковского князя Лешека Белого на Волынь и передачу им города Белза двоюродному брату Романовичей Александру Всеволодичу, а уж затем о наступлении венгров. Отсюда ясно, что после собирания королем войска для похода на Галич и самим тем походом действительно минуло какое-то время.

Рассказав о вокняжении Мстислава Удатного в Галиче в 1219 г., галицкий книжник продолжает: «В та же лета, времени минувши, поя у него Даниль дъщерь именовъ Анну»³². В этом случае прошло немного месяцев после вокняжения Мстислава в Галиче. Ведь и брак Даниила и Мстиславны, и последующая кампания Романовичей на Волыни против краковского князя укладываются в рамки все того же, 1219 г.

²⁹ Пауткин А.А. Беседы с летописцем. С. 225–228.

³⁰ Черепнин Л.В. Летописец Даниила Галицкого. С. 231.

³¹ Галицко-Волинський літопис. С. 81.

³² Там же. С. 82.

Выражение «времени же минувши» неоднократно используется для соблюдения хронологической последовательности изложения на протяжении всего Летописца Даниила Галицкого (1205–1258)³³. На последних его страницах читаем о приходе в 1258 г. орды монгольского военачальника Бурундая на земли Галицко-Волынского княжества: «Времени же минувшю и прииде Бурундай безбожнѣй, злѣй... в силѣ тяжцѣ...»³⁴. Рассказ о нашествии орд Бурундая относится к 1258 г., а предшествующее повествование галицкого книжника о войне с татарским военачальником Куремсой и восстановлении г. Холма после пожара — к 1256 г.³⁵ Здесь слова «времени же минувшю» обозначают явно немалый временной промежуток.

Дабы создать впечатление о длительном отрезке времени между описываемыми событиями и их финалом, последовавшим через много лет, составители и редакторы Галицко-Волынского свода изредка используют связку: «во ино время». Поведав о походе венгерского войска под водительством бана Фильния на Галич зимой 1220/21 г.³⁶, летописец с удовлетворением пишет о гибели заклятого врага и мучителя Руси: «Богу же того не трѣпящю, во ино время убиень бысть Данииломъ Романовичемъ древле прегордый Филья»³⁷ — имеется в виду гибель бана Фильния от руки Даниила после знаменитой битвы между Русью и Венгрией у галицкого города Ярослава 17 августа 1245 г.: «Тогда же и Филья Гръдый ять бысть... и приведенъ бысть к Данилу, и убиень бысть Даниломъ»³⁸. Следовательно, рассказчик о венгерском нашествии 1220/21 г. забегаёт вперед на целую четверть века. Подобное встречается в нашем своде неоднократно.

Реже применяются в Летописце Даниила для определения последовательности происходившего выражения «по тех же летех» и

³³ За несколько строк перед рассказом о женитьбе Даниила мы вновь читаем: «По семь жн времени минувши король отья Перемышьль отъ Лестька и Любачевъ» (Галицко-Волинський літопис. С. 82). Речь идет о нарушении венгерским государем соглашения 1214 г. с Лешком в г. Спише о разделе сфер влияния в Галицко-Волынской Руси, по которому города Перемышьль и Любачев отдавались полякам. Поскольку об этом соглашении в своде говорилось пятью строками ранее, составитель счел себя обязанным показать, что в действительности между Спишским договором и его разрывом прошло немало времени.

³⁴ Галицко-Волинський літопис. С. 122–123.

³⁵ *Котляр М.Ф.* Коментар. С. 299–300.

³⁶ *Грушевський М.* Хронологія подій Галицко-Волинської літописи. С. 17.

³⁷ Галицко-Волинський літопис. С. 84.

³⁸ Там же. С. 108.

«в та же лета». Зимой 1232/33 г. венгерское войско вторглось в Галицкую землю: «По тѣхъ же лѣтѣхъ движе рать Андрѣй королевичь на Данила...»³⁹. Эти слова заключают рассказ о вмешательстве Даниила в войну в Поднепровье между киевским князем Владимиром Рюриковичем и черниговским — Михаилом Всеволодичем, перед которым речь шла о посылке королем Белой IV своего сына Андрея с войском на Галич. Упомянутые события охватили немалое время: 1231–1233 гг.⁴⁰

Рассказывая о вторжении орды монгольского военачальника Куремсы в Галицкую землю, наш источник пишет: «В та же лѣта или преже, или по томъ приехавше татаре къ Бакотѣ»⁴¹. В этой формулировке чувствуется стремление книжника дать лишь общую последовательность событий, отметить их протяженность, не привязывая их к определенному (хорошо, полагаю, известному ему) времени. Попытка орды монгольского военачальника Куремсы вторгнуться в Галицкую землю, форсировав Днестр, относится, вероятно, к концу 1252 г.⁴² Обычно историки считают это сообщение летописи свидетельством первого нападения Куремсы на Даниила.

Однако продолжение этого рассказа говорит о том, что вряд ли это была первая встреча монгольского воеводы с Даниилом Романовичем. Несколькими строками ниже, после слов о нападении Куремсы на Бакоту и его неудаче у стен мощной волынской крепости Кременца в 1252 г., повествуется, как давний враг Романовичей новгород-северский князь Изяслав Владимирович обратился к татарам за помощью, собравшись воевать с Даниилом. Монгольские военачальники отказали ему в помощи, заявив: «Како идеши в Галичь, а Данило князь лють есть; иже отъиметь ти животь, то кто тя избавить?!»⁴³.

В этих словах явственно ощущается непосредственное знакомство монголов с сильным войском Романовичей, недавно нанесящим им поражения и у Бакоты, и у Кременца. Сам характер этой записи может свидетельствовать о том, что у Куремсы и его воевод был на то время опыт неудачных столкновений с Даниилом, и они по достоинству оценили мощь его войска. И действительно, эскапада Изяслава окончилась полной неудачей, а сам он был схвачен сы-

³⁹ Галицько-Волинський літопис. С. 95.

⁴⁰ *Котляр М.Ф.* Коментар. С. 208–211.

⁴¹ Галицько-Волинський літопис. С. 117.

⁴² *Грушевський М.* Хронологія подій Галицько-Волинської літописи. С. 38.

⁴³ Галицько-Волинський літопис. С. 117.

ном Даниила Романом и приведен к отцу. После чего исчезает со страниц летописи — и, скорее всего, из числа живых.

Военные действия между Куремсой и Даниилом продолжались вплоть до 1258 г. Галицко-волинский князь неоднократно побеждал Куремсу, и преданный своему господину летописец с гордостью писал: «Данило же дрѣжаше рать с Куремсою, и николи же не бояся Куремсы: не бѣ бо могль зла ему сътворити никогда же Куремьса»⁴⁴.

В свете сказанного формула летописца «или преже, или по томъ» представляется более уместной, чем иные, ей подобные, поскольку отражает события многих лет.

Нередко общее время события устанавливается путем использования переходных формул «преже того» и «древле того», определяющих *terminus ante quem*. 12 апреля 1241 г. одна из армий Батыя нанесла сокрушительное поражение 60-тысячному войску венгерского короля Белы IV и его брата Коломана при р. Сайо, в долине Моги, окруженной горами Токая. Поведая об этом, автор замечает: «Преже того ехаль бѣ Данило князь къ королеви въ Угры, хотя имѣти с нимъ любовь сватѣства; и не бы любовь межи има»⁴⁵. Вероятно, Даниил Романович предложил королю заключить союзное соглашение, скрепленное династическим браком, которое предусматривало объединение сил против монголо-татар, от чего король уклонился. Резонно допустить, что это предложение Даниил Романович сделал незадолго перед вторжением орд Батыя в Южную Русь. Наверное, не случайно книжник поместил процитированный текст непосредственно после сообщения о разгроме венгерского войска Батыем.

Точно так же, на мой взгляд, слова «преже того» и последовавший за ними текст предваряют и подготавливают подробный рассказ о войне 1245 г. между Даниилом Романовичем и черниговским княжичем Ростиславом Михайловичем, вторгнувшимся в пределы Галицкой земли с венгерским и польским войсками: «Преже же войны Даниловы чернѣговское, сѣдящи ему (Даниилу. — *Н.К.*) в Галичи, а Василку въ Володимеру»⁴⁶. После этих слов идет подробный и эмоциональный рассказ о победоносной войне Романовичей с ятвягами и покорении их страны⁴⁷. А «черниговская война»,

⁴⁴ Галицко-Волинський літопис. С. 123.

⁴⁵ Там же. С. 102.

⁴⁶ Там же. С. 106.

⁴⁷ Там же. С. 106.

рассказ о которой следует непосредственно после описания войны с ятвягами, — не что иное, как знаменитая битва между Даниилом и Васильком, с одной стороны, и приведенными Ростиславом Михайловичем венгерскими и польскими войсками и отрядами враждебных Романовичам бояр возле галицкого города Ярослава в августе 1245 г.

В аналогичном смысле употребляется в Летописце Даниила Галицкого выражение «древле того». В особой повести о переговорах Даниила с папой и последующей его коронации в Дорогичине осенью 1253 г., после известия о появлении папских послов в ставке старшего Романовича, рассказывается: «Древле бо того прислалъ (папа. — *Н.К.*) к нему епискупа береньского и каменецкого, рече ему: “Приими вѣнець королевѣства”. Он же в то время не приял бѣ...»⁴⁸. Вероятно, в этом тексте речь шла о встрече Даниила в Кракове с папским легатом Описо в июле 1253 г.⁴⁹ Переговоры галицко-волинского государя с папским престолом продолжались длительное время, начавшись в 1246 г. Возможно, это и повлияло на выбор книжником слова «древле».

Наименее обязывающей составителей Галицко-Волинской летописи к хронологической определенности формулой было краткое «по томъ» — *terminus post quem*: «И по томъ же пустиста (Романовичи. — *Н.К.*) Ярослава и даста ему Перемиль, и по томъ Межибожие»⁵⁰ — речь идет об удельном волинском князе Ярославе Ингваревиче, неудачно пытавшемся отнять у Романовичей Луцк и попавшем к ним в плен. Эта формула встречается в Галицко-Волинской летописи весьма часто, особенно в ее Волинской части.

Например, в освещении событий 1238 г., как они обычно датируются в научной литературе⁵¹, сказано: «И по томъ прииде Ярославъ суждальскый и взя Киевъ подь Володимеромъ, не мога его дрѣжати, иде паки к Суждалю; и взя подь нимь Михаилъ⁵², а Ростислава, сына своего, остави в Галичи, и отгяша отъ Даниила Перемышль»⁵³. Но свидетельство источника о взятии Киева Ярославом суздальским явно выпадает из контекста событий 1238 г. Дело

⁴⁸ Галицко-Волинський літопис. С. 116.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. С. 90.

⁵¹ См., напр.: *Пацуро В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волинской Руси. С. 217.

⁵² Всеволодич черниговский.

⁵³ Галицко-Волинський літопис. С. 98.

проясняет сообщение Новгородской первой летописи младшего извода под 1236 г.: «Поиде князь Ярославъ из Новагорода къ Киеву на столь». Точность датировки подтверждается окончанием этой статьи: «Того же лѣта пришедше безбожнии татарове, плениша всю землю Болгарьскую»⁵⁴. Как известно, поход войск Батия на Волжскую Болгарию произошел в 1236 г.

Отсюда и восстанавливаю время и последовательность событий, заметив попутно, что считаю невероятным, чтобы сжатые со всех сторон владениями и войском Романовичей в Галиче Михаил и Ростислав могли отважиться отнять у них Перемышль в 1236 г. Скорее они могли решиться на это именно в 1238 г., когда соперничество между Ольговичами и Романовичами достигло высшей точки. Тогда ими, вероятно, двигало отчаяние. На какое-то время, по-видимому, на несколько месяцев 1238 г., Киевом овладел Владимир Рюрикович, но впоследствии потерял его в пользу Михаила черниговского⁵⁵.

Аналогично с «по томъ» составители Галицко-Волынского свода изредка употребляют аналогичный термин «по семь». Рассказывая об ожесточенной борьбе части галицкого боярства и горожан против венгерской оккупации, книжник поведал о приглашении на галицкий стол слабосильного князька из Пересопницы Мстислава и неудаче его попытки вокняжиться в Галиче в 1211 г. Неожиданно летописец замечает: «И по семь скажемъ о Галичинѣ могилиѣ и о началѣ Галича...»⁵⁶. Перед нами еще одно из многочисленных свидетельств нетрадиционности Галицко-Волынского свода: его создатели свободно передвигаются во временном пространстве, забегая вперед и отступая назад.

Это место Галицко-Волынской летописи всегда вызывало постоянный и жгучий интерес историков, поскольку даже приблизительное время основания города Галича неизвестно. Отмечу лишь, что написавший эти слова, конечно же, знал, что Галич возник в отдаленном прошлом — и, вероятно, собирался осветить его рождение по известным ему источникам или народным преданиям, но почему-то не выполнил своего обещания, о чем приходится лишь сожалеть, — у нас было бы древнее сказание о возникновении Галича, города, обстоятельства рождения и начальная история которо-

⁵⁴ НПЛ. С. 285.

⁵⁵ Котляр М.Ф. Коментар. С. 229.

⁵⁶ Галицко-Волинський літопис. С. 79.

го до 1140 г., когда он впервые появляется на страницах летописи, остаются неизвестными.

Для того, чтобы обозначить длительность какого-либо процесса или явления, авторы и редакторы Галицко-Волынской летописи употребляли термины «всегда» и «иногда» (некогда, однажды, время от времени). Многолетним соперником Даниила и Василько Романовичей в деле овладения Волынской и Галицкой землями был их двоюродный брат Александр Всеволодич, князь белзский. Проведав о неприязни Мстислава Удатного, в то время галицкого князя, к своему зятю Даниилу (признанному в феодальном обществе истинным наследником галицко-волынского князя, своего отца Романа Мстиславича), он постоянно интриговал против Романовичей. Книжник отмечает: «Олександръ всегда вражду имѣаше къ своимъ братомъ Романовичемъ... слышавъ, яко Мъстиславъ не имѣеть любви къ зятю своему князю Данилови...»⁵⁷.

«Иногда» («овогда») употреблено составителями Галицко-Волынской летописи в повествовании о событиях многолетней борьбы Даниила Романовича с черниговским соперником Ростиславом Михайловичем. Перед рассказом об утверждении Даниила в 1238 г. в Галиче книжник замечает: «Бывшую же межи ими (Даниилом и Ростиславом. — *Н.К.*) овогда миру, овогда рати...»⁵⁸. Речь идет о событиях, охватывавших всю вторую половину 1230-х гг., когда чаша весов военного и политического успеха склонялась то в одну, то во вторую сторону.

Особенно отчетливо подобный метод приблизительного определения времени тех или иных событий проявился в упоминаниях о любимом городе Даниила — Холме. Повествуя о войне Романовичей с Александром белзским в 1222–1223 гг., составитель Галицко-Волынской летописи пишет: «Даниль създа градъ именемъ Холмъ — създание же его иногда скажемъ»⁵⁹. Но ведь Холм был основан Даниилом почти двумя десятилетиями позднее. Можно думать, что автор упомянул о будущем Холме потому, что события, о которых он писал на этих страницах своего труда, происходили вблизи места основания города. А в описании стычки Романовичей с мазовецким князем Конрадом летом 1236 г. составитель Галицко-Волынской летописи сообщает: «Кондратови же ставшю, где нынѣ

⁵⁷ Галицко-Волинський літопис. С. 86.

⁵⁸ Там же. С. 98.

⁵⁹ Там же. С. 85.

градъ Холмъ стоять»⁶⁰. По моему мнению, опирающемуся на свидетельства Галицко-Волынского свода, Холм был заложен Даниилом в промежутке времени между второй половиной 1236 — первой половиной 1238 г.⁶¹

Остается сказать несколько слов о хронологии Волынской летописи, второй крупной части Галицко-Волынского свода. Она гораздо проще той, которая использована в Летописце Даниила Галицкого. Переходные формулы отличаются однообразием: «по семь же», «по томъ же», «тогда же» и т.п. Наверное, так случилось потому, что составители и редакторы Волынской части стремились придать тексту вид настоящей летописи и более, чем авторы Летописца, пытались придерживаться хронологической последовательности в изложении событий⁶².

Приведу наиболее характерные примеры использования подобных связующих фраз, заменивших даты в Хлебниковском списке Галицко-Волынской летописи, и в ее протографе. Между Галицкой (Летописцем Даниила) и Волынской (Волынская летопись) существует разрыв на уровне описания событий 1257–1258 гг. Первая обрывается неоконченным предложением: «Бысть же вѣсть Данилу, полаше Лва и Шварна⁶³ вонь изъ Вьлодимера, рече имь: “Аще вы будете у мене, [вамъ] ездити у станы к нимъ, аще ли азъ буду...”»⁶⁴.

После этого следуют слова: «По семь же минувшима двѣма лѣтома». Но в Ипатьевском списке сказано иначе: «Минувшему лѣту»⁶⁵. Это свидетельствует о свободном обращении составителей обоих списков со временем — для них было важно не точное его исчисление, а отметка временного порога между событиями.

Выражения «по семь» и «по томъ» употребляются в тождественных контекстах, книжники не делают между ними разницы. Так, в описании истребительного похода татарского войска на Польшу 1259 г. сначала сказано: «По семь поиде Бурундай вборзе к Люблину», а в продолжении этого рассказа: «По томъ же пойдоша (Бурундай) къ Лысцю городу»⁶⁶.

⁶⁰ Галицко-Волинський літопис. С. 98.

⁶¹ *Котляр М.Ф.* Коментар. С. 222.

⁶² *Котляр М.Ф.* Галицко-Волинський літопис. С. 114.

⁶³ Его сыновей.

⁶⁴ Галицко-Волинський літопис. С. 123.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. С. 124, 125.

Словосочетание «в то же время» чаще, чем в Галицкой части, употребляется в Волынской летописи в более конкретном смысле: «В то же время умре княгини Миндовгови», «в то же врѣмя преставися... Василько»⁶⁷ (Романович, младший брат Даниила. — *Н.К.*).

Следовательно, в Волынской части нашего свода больше, чем в Галицкой, ощущается намерение соблюдать последовательность изложения. Не раз отмеченные историками и филологами отступление назад и забегание вперед в ходе летописного рассказа, столь характерное для Летописца Даниила Галицкого, здесь практически отсутствует. Вероятно, это также связано с отмеченным мною несколько выше стремлением авторов и редакторов Волынской летописи придать тексту «летописный» вид, что, видимо, мало заботило их предшественников — составителей Летописца⁶⁸.

Изложенное выше дает, как мне кажется, основания считать хронологию Галицко-Волынской летописи **событийной** — составленной в соответствии с относительной последовательностью отраженных в ней событий.

⁶⁷ Галицько-Волинський літопис. С. 127, 131.

⁶⁸ *Котляр Н.Ф.* Галицко-Волынская летопись (источники, структура, жанровые и идейные особенности) // ДГ. 1995 г. М., 1997. С. 137 и др.